

Раздел: ПРАВО

Научная статья
УДК: 341.9

Международное частное право и правовая система России: проблемы изучения (1991–2023 гг.)

Сергей Сергеевич Ипполитов^{1, 2, 3}

¹ Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Москва, Россия, главный научный сотрудник

² Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, зам. директора Международного центра компетенций «АйПи»

³ Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Государственный научно-исследовательский институт реставрации», Москва, Россия, Доктор исторических наук, ninvestnik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3564-4271>

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли международного частного права в правовой системе Российской Федерации. Геополитические изменения, затронувшие все сферы общественной жизни подавляющего большинства государств планеты, сопровождаются существенными правовыми трансформациями. Незаконные экономические рестрикции и ограничения в отношении целого ряда независимых государств, и Российской Федерации – в том числе, именуемые рядом зарубежных правительств «санкциями»; внесудебные репрессии против российских и иных физических и юридических лиц на территориях ряда стран; конфискация имущества, одностороннее расторжение гражданско-правовых, коммерческих и международных договоров в парадигме «санкционного давления» неизбежно требуют адекватного правового ответа от национальных правительств.

Ключевые слова: международное частное право, трансграничные правоотношения, интернет-право, правовые институты, брачное право, санкции, иностранный элемент, киберправо.

Финансирование: статья подготовлена в рамках НИР «Концепция автономной кодификации в проблематике реформирования международного частного права» (4-ГЗ-2022).

Для цитирования: Ипполитов С.С. Международное частное право и правовая система России: проблемы изучения (1991–2023 гг.) // IP: теория и практика. 2023. № 3. С. 14–31.

Original article

International private law and the Russian legal system: problems of study (1991–2023)

Sergey S. Ippolitov^{1, 2, 3}

¹ Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
named after D.S. Likhachev, Moscow, Russia,
Chief Researcher

² Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
Deputy Director of the International Competence Center "IP"

³ Federal State Budgetary Research Institution
"State Research Institute of Restoration", Moscow, Russia,
Doctor of Historical Sciences,
nivestnik@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3564-4271>

Abstract. The article is devoted to the study of the role of private international law in the legal system of the Russian Federation. The geopolitical changes that have affected all spheres of public life of the vast majority of the world's states are accompanied by significant legal transformations. Illegal economic restrictions and restrictions against a number of independent states and the Russian Federation, including those referred to by a number of foreign governments as "sanctions"; extrajudicial repressions against Russian and other individuals and legal entities on the territories of a number of countries; confiscation of property, unilateral termination of civil, commercial and international agreements in the paradigm of "sanctions pressure" inevitably require an adequate legal response from national governments.

Key words: private international law, cross-border legal relations, Internet law, legal institutions, marriage law, sanctions, foreign element, cyber law.

Funding: the paper was prepared as part of the research work "The Concept of Autonomous Codification in the Issues of Reforming International Private Law" (4-GZ-2022).

For citation: Ippolitov S.S. International private law and the Russian legal system: problems of study (1991–2023) // IP: theory and practice. 2023. No. 3. P. 14–31.

Введение

Исследование роли и значения международного частного права в правовой системе Российской Федерации (далее – РФ) приобрело на современном этапе неоспоримую актуальность. Масштабные геополитические изменения, затронувшие все сферы общественной жизни подавляющего большинства государств планеты, сопровождаются существенными правовыми трансформациями. Международные правовые институты, созданные после Второй мировой войны, демонстрируют в последнее десятилетие неуклонную деградацию. Использование международной правовой системы в качестве инструмента давления на неудобные страны и правительства; манипулирование и расширенное толкование правовых норм, позволяющие подстраивать международные институты под нужды узкой группы государств; намеренное искажение гуманитарного наполнения международного права, сделавшее возможным появление в общественном дискурсе оксюморона «гуманитарная интервенция» и «гуманитарные бомбардировки»¹ – эти и целый ряд подобных причин ставят перед суверенными правительствами неизбежный вопрос о допустимой степени интеграции национальных и международных правовых систем.

Параллельно возрастает роль трансграничных гражданско-правовых отношений, регулируемых международным частным правом. Речь идет о широком распространении цифровых технологий в сфере использования результатов интеллектуальной деятельности, защиты авторских прав, внедрения технологий блокчейна в сферу финансового рынка и творческих индустрий. Новая цифровая реальность требует от российского законодателя быстрого реагирования на стремительно меняющийся международный правовой ландшафт в контексте адаптации национального законодательства и защиты прав граждан и бизнеса, государственных интересов РФ.

¹ Из статьи экс-президента Чехии Вацлава Гавела в газете Le Monde от 29 апреля 1999 г.: «Я думаю, что во вторжении НАТО в Косово имеется элемент, в котором никто не может сомневаться: воздушные атаки, бомбы не вызваны материальной заинтересованностью. Их характер – исключительно гуманитарный: главную роль играют принципы, права человека, которые имеют приоритет даже над государственным суверенитетом. Это делает вторжение в Федерацию Югославия законным даже без мандата ООН».

Основное исследование

Особенностью текущего момента в деле изучения роли и места международного частного права в правовой системе РФ является почти полное отсутствие научных трудов, которые отражали бы стремительно меняющуюся ситуацию на международной арене. Последствия слома устоявшихся правовых норм международного взаимодействия в экономике, политике, семейных правоотношениях, культуре, финансовых рынках пока не нашли отражения в специализированных научных исследованиях. Отечественная научная публицистика продолжает пребывать в привычной и комфортной парадигме «международного сотрудничества»; «кодификации международного частного права» в РФ; рецепции отечественным правом норм и требований «европейских партнеров», в то время как процесс демонтажа послевоенной международно-правовой системы продолжает стремительно нарастать.

Так, например, в открытом доступе удалось обнаружить только одну научную статью, авторы которой, размышляя о состоянии международно-правовых отношений в семейно-брачной сфере, заявили о деградации традиционных устоев и норм, отметив, что «в современных условиях происходит целенаправленная ликвидация традиционного брака, семьи, когда ювенальная юстиция и гомосексуальные пары просто охотятся за детьми, похищая их из семей, сформировалась субкультура child-free» [1].

Поскольку российская юридическая наука отстает от стремительно меняющейся международно-правовой ситуации, в складывающихся обстоятельствах перед отечественной юриспруденцией возникает неотложная задача по пересмотру устоявшихся подходов к изучению роли и места международного частного права в национальной правовой системе. Неизбежной становится ревизия актуальности привнесенных в российское законодательство норм международного права. Первостепенными направлениями исследований в этом направлении становятся нормы брачно-семейного права в контексте нарушения прав российских граждан в смешанных браках за рубежом; действий органов ювенальной юстиции в отношении детей российских граждан в ряде стран мира. Требуется углубленное исследование новых правовых реалий в области коммерческого права и выработка механизмов защиты российских юридических и физических лиц с опорой на суверенные правовые институты, и т.п.

Роль и место международного частного права в правовой системе РФ традиционно находится в центре внимания отечественных ученых. Постсоветский период, ознаменованный революционной трансформацией отечественной правовой системы и ее сближением – до 2014 г. включительно – с международным правом, потребовал переосмысления накопленных знаний и выработки

новых методологических подходов. Именно в этот период возник значительный пласт специальной литературы, посвященной изучению места международного частного права в правовой системе РФ; брачно-семейных правоотношений в РФ в сравнении с нормами международного частного права; правовых проблем при разрешении споров между государством и частным инвестором посредством международного арбитража в современном международном частном праве.

Особой приметой изучаемого периода стало появление исследований по влиянию процессов цифровизации на область международного частного права. В последние пять лет вопросам трансграничных правоотношений, возникающих на волне внедрения информационных технологий в торговлю, обмен информацией, защиту авторского права, использование результатов интеллектуальной деятельности было посвящено значительное количество специализированных трудов². В научный оборот впервые был введен термин «киберправо», отражающий все многообразие правовых взаимоотношений в цифровом измерении [2].

Вместе с тем проблема деградации международных правовых институций после 2014 г. остается малоизученной. Специализированных трудов, посвященных новой правовой реальности в контексте незаконных рестрикций в отношении РФ и ее союзников, обнаружить не удалось. В этой области возникли значительные исследовательские лакуны, требующие специальных научных трудов.

Несмотря на высокую степень изученности, подходы к исследованию проблемы международного частного права в РФ продолжают оставаться дискуссионными. Так, доминирующей на сегодня является научная позиция, предопределяющая международное частное право в качестве неотъемлемой части международного права, взаимодействующего с публичным правом в качестве «равнозначного и самостоятельного по структуре своего образования» [3, с. 66].

В соответствии с другой позицией международное частное право – суть комплекс правовых направлений, взаимодействующих с национальным и международным публичным правом.

В качестве третьей позиции следует назвать утверждение, что международное частное право – это искусственно выведенная правовая форма,

² Муратова О.В. Концепция транснационального потребительского права в современном мире // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152); Козинец Н.В. Проблемы коллизионно-правового регулирования отношений, возникающих в сфере трансграничной электронной торговли // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2015. № 6; Казаченок С.Ю. Развитие *lex electronica* как предпосылка включения в арбитражное соглашение условия об онлайн-арбитраже // *Legal Concept*. 2014. № 4; Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 1.

не имеющая «ядра системы», а состоящая из привнесенных алгоритмов и частей иных институтов права [3, с. 67].

Исследовательский консенсус по данной проблеме до сих пор отсутствует. Наиболее артикулируемой и обоснованной в специальной литературе следует назвать точку зрения на определение роли международного частного права в качестве отдельной, самостоятельной и независимой правовой ветви в системе национальных отраслей права. В данном контексте международное частное право должно пониматься как отрасль национального права, где государство самостоятельно формирует и принимает нормы, которые далее станут определять выбор правовой системы в случаях, когда гражданские отношения взаимодействуют с международными элементами и имеют международный характер [3, с. 68].

Достаточно типичным примером исследования, отражающим глобальную ситуацию «до 2014 года», является монография «Проблемы унификации международного частного права», изданная в 2012 г. [4]. Авторы этого труда констатировали существовавшие на тот момент времени мировые тенденции: углубление экономической интеграции, активизация международной торговли, нарастание объемов оборота товаров и услуг, усиление миграционных процессов, интенсификация электронных транзакций. Перечисленные тенденции насущно требовали расширения унификации международного частного права в вопросах несостоятельности, международных гарантий и обеспечения исполнения обязательств, электронной торговли через заключение многосторонних международных договоров [5]. Авторы делают вполне обоснованный на тот момент времени вывод о важности дальнейших действий РФ по присоединению к различным международным конвенциям.

Исследованию законодательных актов, содержащих коллизионные нормы в качестве характеристики этапа развития международного частного права РФ, посвящена статья И.П. Новохацкой. Автор подробно проанализировала негативный и позитивный опыт применения каждого вида кодификации; мировую практику в вопросах избрания формы закрепления коллизионных норм на уровне национальных законодательств [6, с. 161].

Автор называет три основных подхода к законодательному закреплению норм международного частного права на суверенном уровне: автономная кодификация; отраслевая кодификация; принятие нормативных актов, содержащих отдельные нормы международного частного права. При этом исследователь отмечает, что третий вариант был отвергнут всеми правовыми системами, в результате чего остались два вида кодификации: отраслевая и автономная [6, с. 162].

Исследователь подробно останавливается на перечне правовых актов, принятых в целях кодификации международного частного права в РФ. К таковым относятся раздел VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ 2001 г.; раздел VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» Семейного кодекса РФ 1995 г. (далее – СК РФ); глава 26 «Применимое право» Кодекса торгового мореплавания РФ 1999 г., раздел V Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ «Производство по делам с участием иностранных лиц», глава 33 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ «Особенности рассмотрения дел с участием иностранных лиц», а также отдельные национальные законы, которые содержат несколько коллизионных норм (например, Федеральный закон «О лизинге» 2002 г.) [6, с. 163].

Системное предложение о принятии в РФ специального закона о международном частном праве содержится в статье «Актуальные проблемы международного частного права». Оценивая актуальную ситуацию 2010 г. – года выхода статьи в свет – автор строит свои выводы, основываясь на благоприятных тенденциях развития мировой торговли в первом десятилетии двухтысячных годов, когда международное экономическое сотрудничество не вызывало каких-либо сомнений. Развитие процесса кодификации международного частного права в этом контексте представлялось неизбежным следствием и необходимой мерой укрепления взаимовыгодного сотрудничества [7, с. 116].

Автор отмечает появление так называемого международного экономического права как этапа унификации международного частного права в процессе обеспечения регулирования экономического сотрудничества между субъектами гражданского права различных государств [7, с. 118].

Пожалуй, одной из наиболее чувствительных областей международного частного права, где противоречивость и несогласованность национальных законодательств наиболее заметно отражается на судьбах граждан, является область брачно-семейных отношений. Нормирование семейных отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ осуществляется разделом VII СК РФ, положения которого справедливо критикуются современными исследователями [8–10]. Во многих работах отмечается их несоответствие современным потребностям в правовом регулировании семейных отношений с участием «иностранного элемента»; существенных лагун, требующих заполнения. Авторы заостряют внимание на новых видах брачно-семейных отношений, как, например, признание в РФ прав сторон законных в ряде стран полигамных браков; коллизии суррогатного

материнства, и т.п. Существенное усложнение имущественных и личных неимущественных прав и отношений членов семьи диктует необходимость унификации норм семейного права, а также учета новых тенденций в вопросах выбора применимого права и применения иностранного законодательства [11].

Критика действующих нормативных актов, регулирующих применение международного частного права, находится в центре внимания авторов диссертационных исследований последних лет. Так, авторы констатируют несовершенство раздела VII СК РФ, его несоответствие современным запросам по правовому регулированию семейных отношений с участием иностранцев и наличие существенных пробелов. Диссертации С.С. Сафроновой, Е.А. Криволаповой, С.А. Никогосян, Е.Ю. Хромовой посвящены регулированию трансграничных браков в международном частном праве; квалификационное исследование Т.А. Ермолаевой – имущественным правоотношениям супругов, имеющих различное гражданство; диссертация В.Г. Концевого – алиментным обязательствам в международном частном праве; О.Ю. Ситковой, К.Ю. Бородич, А.З. Дзугаевой, Е.Ю. Князевой – усыновлению детей – граждан РФ; Г.Ю. Федосеевой, Л.Г. Туктамышовой – брачно-семейным отношениям как объекту международного частного права.

В качестве наиболее частой претензии к СК РФ исследователями указывается тот факт, что кодексом не учтены экономические, социальные и политические преобразования, а также значительные изменения отраслевого законодательства, которые произошли в России за последние годы. В ряде работ поднимается вопрос о необходимости рекодификации семейного права в современных условиях. Так, для устранения существующих коллизий Е.П. Войтович предлагает дополнить ст. 161 СК РФ следующей нормой: «К брачному договору, соглашению о разделе общего имущества супругов, определяющему правовой режим недвижимого имущества, применяется право страны места нахождения недвижимого имущества» [11, с. 139].

Правовому регулированию применения брачного договора в России в контексте международного частного права посвящена статья Н.И. Марышевой и О.В. Муратовой. Исследователи отмечают, что в России все чаще возникает вопрос об отношениях, на которые распространяется выбор супругами подлежащего применению права. Избрание сторонами права допускается в РФ по поводу исключительно имущественных отношений, так как заключение брачного договора в соответствии со ст. 40 СК РФ предусмотрено только применительно к имущественным отношениям супругов. Выбор права в отношении личных неимущественных прав и обязанностей супругов российским законом не предусмотрен. Так, не предусмотрена возможность определения по соглашению супругов

законодательства, подлежащего применению к избранию рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства супругов, отцовству, воспитанию и образованию детей, выбору супругами фамилии и т.п. [12].

Сравнение брачно-семейных правоотношений в России и норм международного частного права оказалось в центре внимания публикации Е.А. Жила. Автор отмечает, что браки с «иностранным элементом», где один или оба супруга являются иностранными гражданами, занимают особое место, так как в этом случае брачно-семейные отношения являются составной частью международных гражданских правоотношений и в значительной степени зависят от национальных традиций, бытовых и этнических обычаев, религиозных взглядов. Таким образом, семейное право как самостоятельная отрасль национального права в разных странах принципиально отличается и практически не подлежит унификации и кодификации.

По названным причинам возникают правовые коллизии в сфере регулирования брачно-семейных отношений из-за значимых различий материальных норм права разных государств: «коллизивно-правовые рамки регулирования брачно-семейных отношений должны быть значительно шире материально-правовых норм. Основные коллизивно-правовые проблемы брака и семьи заключаются в следующем:

- форма и условия заключения брака;
- расовые и религиозные ограничения;
- запреты на браки с иностранцами;
- «хромающие» браки;
- необходимость получения разрешения (дипломатического, родителей или опекунов) для вступления в брак;
- личный закон (главенство) мужа;
- заключение брака по доверенности и через представителя;
- полигамия и моногамия;
- однополые браки;
- юридическая ответственность за отказ вступить в обещанный брак и др.» [13].

Стремительная цифровизация всех областей общественной жизни, перемещение значительной части экономической, культурной, персональной жизни общества в киберпространство ставит перед правоведами всего мира экзистенциальную задачу создания правового инструментария, предназначенного для регулирования правоотношений в киберсреде. Развитие правовых механизмов на современном этапе существенно отстает от потребностей цифрового мира. Огромное количество международных трансграничных

операций, осуществляемых ежеминутно с помощью цифровых платформ и технологий, опирается сегодня на нормы международного частного права, совокупность которого не в полной мере удовлетворяет текущее развитие кибериндустрии. Встает вопрос о создании «киберправа» [14–16], которое позволяло бы сформировать механизмы правового регулирования там, где нормы международного частного права устарели или не успевают за развитием новой экономики и меняющимися потребностями общества [17]. Неизбежно возникает трудноразрешимая коллизия между глобализацией права в киберпространстве и безопасностью суверенных правовых систем, призванных охранять интересы национальных государств. Один из самых очевидных примеров в этом контексте – массовое внедрение технологий блокчейна в финансовый сектор, когда трансграничные движения капиталов и коммерческие сделки остаются вне поля зрения национальных фискальных органов. Еще одна «серая зона» блокчейна – сделки с результатами интеллектуальной деятельности, торговля которыми может осуществляться посредством NF-токенов и без участия национальных регуляторов [18].

Феномен возникновения киберправа, как вынужденной меры спонтанного реагирования на стремительное развитие цифровых трансграничных операций, анализируется в концептуальной статье М.В. Мажориной. Так, автор отмечает, что «свобода пользователей Интернета в части отбора провайдеров, сайтов и пр. может выражаться в выборе соответствующего интернет-ресурса с презюмируемым подчинением его правилам. Онлайн-платформы живут в логике включения/выключения или доступа/недоступа, выстроенной вокруг определенного набора правил, которые принимает или не принимает пользователь. Органами принуждения могут выступать онлайн системные администраторы – «сисопы» (sysop – system operator, системный оператор), обладающие правом на применение механизма «изгнания» из сообщества, или «забанивания» (banishment). При этом нормотворцами в этой среде выступают сами онлайн-образования, которым пользователи фактически делегируют задачу разработки правил, упорядочивающих онлайн-коммуникацию. Так возникает «интернет-право» (law of the Internet): не из решения некоей высшей власти, но как совокупность предпочтений, избранных определенными операторами, вводящими правила, и отдельными пользователями, определяющими, к каким интернет-сообществам им присоединяться. Управление интернет-сообществом является наряду с трансграничными сделками той областью, в которой преобладает частное нормотворчество» [2, с. 109].

Наглядная реализация подобной концепции киберправа была продемонстрирована ведущими западными интернет-платформами в отношении

российских средств массовой информации и лидеров мнений в последние несколько лет, и особенно – в 2022–2023 гг., когда каналы с десятками и сотнями тысяч подписчиков удалялись без объяснения причин и возможности апелляции по причине их несоответствия идеологическим нарративам глобального Запада. Тот факт, что ограничение свободы слова и свободы выражения мнений прямо нарушали действующие конституции стран, гражданами которых являлись владельцы этих сетевых ресурсов, и в юрисдикции которых зарегистрированы упомянутые платформы, не останавливал их от репрессивных мер: презюмируемое подчинение правилам сетевого сообщества, т.е. киберправо, становилось неоспоримым, воплощая в себе всю полноту «законодательной», «судебной» и «исполнительной» власти в киберпространстве.

Размышляя далее о сущности понятия «киберправо», М.В. Мажорина цитирует весьма добротное определение, предложенное И.М. Рассоловым в [19] и трактующего его в качестве «некого системного объединения норм и правил, которые призваны воздействовать на общественные отношения, складывающиеся по поводу использования совокупности компьютерных сетей и информационных ресурсов, принадлежащих множеству разнообразных субъектов – организаций и граждан. Исследуемые нормы права регулируют отношения субъектов в киберпространстве и содержат предписания, дозволения, запреты и рекомендации, которые относятся к информационной деятельности в Интернете в целом» (цит. по: [2, с. 112]).

Иными словами, многими правоведами сегодня констатируется возникновение глобальной правовой системы, уходящей корнями в международное частное право и составляющей конкуренцию национальным правовым системам в киберпространстве. В качестве примера исследователи приводят американскую компанию e-Bay, навязывающую собственную политику в сфере торговли и арбитража, фактически имеющую транснациональную природу: «автономность системы e-Bay может быть артикулирована в случае, когда один и тот же потребительский спор решается в национальном суде или с использованием механизмов разрешения споров e-Bay: в первом случае применимы императивные нормы законодательства о защите прав потребителей, во втором – политики e-Bay. В литературе можно встретить обоснование концепта «право eBay» (Law of eBay, или eBay law), который фактически артикулирует спор среди экспертов киберправа (cyberlaw) относительно того, нужна ли / возможна ли автономная правовая юрисдикция киберпространства или законы отдельных государств могут быть приспособлены для обеспечения регулирования глобальной информационной инфраструктуры» [2, с. 115].

Подобная правовая логика представляется весьма опасной для национальных интересов РФ. Выведение весомой доли международного частного права из национальной и международной юрисдикции в киберпространство и подмена его системой корпоративных норм, в целом ряде случаев противоречащих «традиционным» правоотношениям, чревато потерей суверенитета в чувствительных для государства областях, таких, как, например, свобода слова; независимость средств массовой информации; охрана авторских прав и результатов интеллектуальной деятельности; информационная безопасность и т.д. По названным причинам трудно согласиться с мнением профессора И.М. Рассолова, считающего интернет-право «правовым институтом» и рассматривающим его в качестве «системного объединения норм и правил, которые призваны воздействовать на общественные отношения, складывающиеся по поводу использования совокупности компьютерных сетей и информационных ресурсов, принадлежащих множеству разнообразных субъектов – организаций и граждан» [19].

События последних лет неумолимо заставляют отечественных законодателей озаботиться приматом национального права, отходя от парадигмы примата международного права в национальном законодательстве. Длительная дискуссия в профессиональной среде³ о смысле и правовых последствиях п. 4 ст. 15 Конституции РФ не закончилась в июле 2020 г. после внесения поправок: вопрос о верховенстве национального права над международным так и остался неразрешенным. (Напомним, что в соответствии с п. 4. ст. 15 Конституции РФ, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»)⁴. Так, исследователи отмечают отсутствие четких критериев формулировки «противоречия Конституции РФ» [20].

В этой связи обоснованны предложения Председателя Государственной Думы В.В. Володина осуществить ревизию всех подписанных со стороны РФ

³ См., например, Барциц И.Н. Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. 2020. № 1 (123). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-sootnosheniya-mezhdunarodnogo-i-natsionalnogo-prava-na-rubezhe-epoch-o-popravke-v-statyu-79-konstitutsii-rossiyskoy> (дата обращения: 07.05.2023); Капустин А.Я., Бальхаева С.Б. Конституция и международное право: новая модель взаимодействия // Lex Russica. 2022. № 4 (185). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-i-mezhdunarodnoe-pravo-novaya-model-vzaimodeystviya> (дата обращения: 08.05.2023); Пинчук А.П. О соотношении международного права и национального права РФ в контексте конституционной реформы 2020 г. // Скиф. 2020. № 11 (51). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g> (дата обращения: 08.05.2023).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL:<https://constitution.garant.ru/rf/chapter/36bfb7176e3e8bfebe718035887e4efc/> (дата обращения: 12.08.2023).

международных соглашений и договоров на соответствие ее основному закону и проинформировать зарубежных контрагентов о том, что в процессе их исполнения Россия будет строго придерживаться своей Конституции⁵.

Вместе с тем, уделяя внимание положению ст. 15 Конституции РФ о «международных договорах» РФ, ситуация с которыми вполне прозрачна и механизмы обеспечения национальных интересов существуют и работают, на фразе об «общепризнанных принципах и нормах международного права», по непонятной причине, исследователи концентрируются значительно реже.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» дано следующее толкование этого закрепленного в Конституции РФ понятия: «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного»⁶.

И, действительно, в условиях всеобщей «правовой нормальности» мирного времени подобное определение было бы вполне приемлемым. Однако в последние годы мир наблюдает за трансформацией этических норм, стремительно отражающейся в правовых системах различных межгосударственных объединений. Тезис о том, что «под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного»⁷ в определенных обстоятельствах может противоречить не только Конституции РФ, но и доминирующим в РФ общепризнанным этическим нормам и ценностям. В качестве иллюстрации можно сделать отсылку к мнению исследователя из Университета штата Пенсильвания

⁵ Приоритет российского права над международным: как на самом деле будет работать эта поправка к Конституции. URL:<https://bankstoday.net/last-articles/prioritet-rossijskogo-prava-nad-mezhdunarodnym-kak-na-samom-dele-budet-rabotat-eta-popravka-k-konstitutsii> (дата обращения: 12.08.2023).

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL:<https://base.garant.ru/12132854/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁷ Там же.

Ларри Бейкера (Larry Cata Backer), процитированному в статье М.В. Мажориной, утверждающему, что американская компания Walmart, которая управляет крупнейшей в мире сетью оптовой и розничной торговли, «стала важным актором в трансформации процесса правотворчества. Эта трансформация бросает вызов регуляторной монополии государства и может способствовать построению глобальной системы обычного права. В условиях отсутствия или неэффективности правового регулирования в той или иной сфере (особенно в области регулирования интернет-отношений) конкуренты государства в области нормотворчества, к коим автор относит и Walmart, могут предложить неплохой продукт – предсказуемые нормы, которые соответствуют ожиданиям» (цит. по: [2, с. 110]).

Неизбежно возникает вопрос: каково место международного частного права в правовой системе РФ при учете современных тенденций развития «квазиправа», где суверенным государствам навязываются нелегитимные нормы и правила в парадигме следования глобальным корпоративным интересам и нелегитимным международным рестрикциям?

Заключение

Подводя промежуточный итог в рассмотрении проблем изучения международного частного права в правовой системе РФ, приходится констатировать недостаточную степень изученности того нарастающего объема проблем и вызовов, которые возникли перед нашей страной в процессе обретения ею политической, экономической и правовой суверенности в минувшем десятилетии. Очевидно отставание российской юриспруденции в деле формирования новых правовых реалий на фоне острого международного противостояния.

Список источников

1. Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сибаетова Г.Р. Институциональные ценности демократии vs феминаци, social justice warriors, blm и «поколения снежинок» // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 3 (54). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-tsennosti-demokratii-vs-feminatsi-social-justice-warriors-blm-i-pokoleniya-snezhinok> (дата обращения: 26.04.2023).
2. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 107–120.
3. Гусарова Е.А. Место международного частного права в правовой системе Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10–3. С. 65–67.

4. Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. – М.: Юриспруденция. 2012. 11 с.
5. Остроумов Н.Н. Проблемы унификации международного частного права // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 140.
6. Новохацкая И.П. Форма законодательных актов, содержащих коллизионные нормы, как характеристика этапа развития международного частного права Российской Федерации // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3–1. С. 161–163.
7. Доронина Н.Г. Актуальные проблемы международного частного права // Журнал российского права. 2010. № 1 (157). С. 116.
8. Гордеюк Е.В. Брачные правоотношения с иностранным элементом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 67–71.
9. Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 92–110.
10. Измайлов В.В. Правовая природа и некоторые проблемы расторжения брака в России // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 40–47.
11. Войтович Е.П. Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 137–141.
12. Марышева Н.И., Муратова О.В. Брачный договор в международном частном праве: правовое регулирование в России и ЕС // Журнал российского права. 2014. № 6 (210). С. 102.
13. Жила Е.А. Брачно-семейные правоотношения в России в сравнении с нормами международного частного права (социально-правовые и психологические аспекты) // Вестник ИрГТУ. 2014. № 7 (90). С. 195.
14. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152). С. 93–107.
15. Мажорина М.В., Терентьева Л.В., Шахназаров Б.А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 169–189.
16. Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 169–182.

17. Засемкова О.Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 160–167.

18. Ипполитов С.С. Интеллектуальная собственность и точки роста творческой индустрии в российской экономике: блокчейн, крипто-арт, NFT-токенизация // Культура и образование. 2021. № 2. С. 5–18. DOI: 10.24412/2310-1679-2021-241-5-18.

19. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2009. 383 с.

20. Пинчук А.П. О соотношении международного права и национального права РФ в контексте конституционной реформы 2020 г. // Скиф. 2020. № 11 (51). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g> (дата обращения: 08.05.2023).

References

1. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Institutional values of democracy vs feminazi, social justice warriors, blm and "generations of snowflakes". *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik = Kazan Socio-humanitarian Bulletin*. 2022. No. 3 (54). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-tsennosti-demokratii-vs-feminatsi-social-justice-warriors-blm-i-pokoleniya-snezhinok> (date of access: 26.04.2023) (in Russ.).

2. Mazhorina M.V. Digital platforms and private international law, or does cyber Law have a future? *Lex Russica*. 2019. No. 2 (147). P. 107–120 (in Russ.).

3. Gusarova E.A. The place of private international law in the legal system of the Russian Federation. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. No. 10–3. P. 65–67 (in Russ.).

4. *Problemy unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava = Problems of unification of private international law: monograph* / ed. by A. L. Makovsky, I. O. Khlestova. – Moscow: *Jurisprudence Publ.*, 2012. 11 p. (in Russ.).

5. Ostroumov N.N. Problems of unification of private international law // *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2015. No. 1 (217). P. 140 (in Russ.).

6. Novokhatskaya I.P. The form of legislative acts containing conflict-of-laws norms as a characteristic of the stage of development of private international law of the Russian Federation. *Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel' = Tauride Scientific Observer*. 2015. No. 3–1. P. 161–163 (in Russ.).

7. Doronina N.G. Actual problems of private international law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010. No. 1 (157). P. 116 (in Russ.).
8. Gordeyuk E.V. Marital relations with a foreign element. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 12. P. 67–71 (in Russ.).
9. Getman-Pavlova I.V., Kasatkina A.S. Problems of conflict regulation of marriage and family relations in private international law of Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2017. No. 1. P. 92–110 (in Russ.).
10. Izmailov V.V. The legal nature and some problems of divorce in Russia. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Journal of Law*. 2018. No. 3. P. 40–47 (in Russ.).
11. Voitovich E.P. Legal regulation of family relations with the participation of foreigners in the Russian Federation: results and prospects. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2017. No. 5 (78). P. 137–141 (in Russ.).
12. Marysheva N.I., Muratova O.V. Marriage contract in private international law: legal regulation in Russia and the EU. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2014. No. 6 (210). P. 102 (in Russ.).
13. Zhila E.A. Marital and family legal relations in Russia in comparison with the norms of private international law (socio-legal and psychological aspects) // *Vestnik IrGTU = Bulletin of IrSTU*. 2014. No. 7 (90). P. 195 (in Russ.).
14. Mazhorina M.V. On the conflict of law and "wrong", renovation of lex mercatoria, smart contracts and blockchain arbitration. *Lex Russica*. 2019. No. 7 (152). P. 93–107 (in Russ.).
15. Mazhorina M.V., Terentyeva L.V., Shakhnazarov B.A. International private law in the context of the development of information and communication technologies. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019. No. 5 (102). P. 169–189 (in Russ.).
16. Mazhorina M.V. The network paradigm of international private law: contouring the concept. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019. No. 4 (101). P. 169–182 (in Russ.).
17. Zasemkova O.F. Dispute resolution using blockchain technology. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019. No. 4 (101). P. 160–167 (in Russ.).
18. Ippolitov S.S. Intellectual property and points of growth of the creative industry in the Russian economy: blockchain, crypto-art, NFT-tokenization. *Kul'tura i obrazovaniye = Culture and education*. 2021. No. 2. P. 5–18. DOI: 10.24412/2310-1679-2021-241-5–18 (in Russ.).

19. Rassolov I.M. *Pravo i Internet. Teoreticheskiye problemy = Law and the Internet. Theoretical problems*. 2nd ed., supplement. Moscow: Norma Publ. 2009. 383 p. (in Russ.).

20. Pinchuk A.P. On the correlation of international law and national law of the Russian Federation in the context of constitutional reform in 2020. *Skif*. 2020. No. 11 (51). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g> (date of access: 08.05.2023) (in Russ.).

Статья поступила 04.09.2023, принята к публикации: 20.09.2023.

© Ипполитов С.С., 2023